

Великая Отечественная война. В этих словах кроется страшная история людей: боль, страдания, одиночество, страх. Люди сражались за свободную и мирную жизнь, жертвуя собой. На этой войне Россия понесла многочисленные потери, кого-то убивали на фронте, кого-то увозили в концлагеря, и их жизни становились невыносимой пыткой, а кто-то просто пропал без вести, и теперь об их судьбах не знает никто.

В моей семье тоже есть воевавшие прадеды и прабабушки, и поэтому я бы хотела поведать о моем прадеде Лиходееве Михаиле Степановиче, который в свое время успел рассказать историю жизни своим детям и внукам.

Лиходеев Михаил Степанович родился 14 октября 1913 года (по старому стилю), 30 сентября 1913 года (по новому стилю) в станице Троицкая Чечено-Ингушской АССР. Детство у него было достаточно сложным, так как отец был действующим офицером царской армии и всё время находились на пограничных заставах. Во время Кавказской войны и присоединения кавказских народов к Российской Федерации А. П. Ермоловым по долинам были намечены казачьи поселения, в которых, в основном, проживало русскоязычное население, но вверх в горы по большому Кавказскому хребту находились укрепленные оборонительные башни, которые местными назывались фитьмы («Фельдмаршальские башни»), которые были установлены со времен Ермолова. Эти оборонительные башни были двухуровневые: верхние оборонительные и нижние, и местные казаки их так и называли: верхние фитьмы и нижние фитьмы. Они служили для того, чтобы оборонять границы Российской империи от набегов горских народов, там постоянно люди несли службу, и вот отец моего прадеда был военнотружущим. Он постоянно находился в этих фитьмах, но периодами, например, месяц прошел – они спустились вниз, к станице, к которой они были приписаны, потом обратно, т. е. шла вахтовая служба, и в этих фитьмах они находились не сами по себе, а именно со своими семьями: с женами, с детьми. Когда прадеду было меньше года, был совершен последний набег на верхнюю фитьму, она была уничтожена полностью, остались одни руины. Судьба отца моего прадеда неизвестна, так как он пропал без вести, а мать моего прадеда со старшими сестрами успела убежать. Но после того как они покинули фитьму, останков своего отца они не нашли, что с ним случилось, был ли убит, был ли пленен, был ли казнен, неизвестно, то есть жизнь его оборвалась. После того как они спустились вниз, остались жить у родственников отца по материнской линии. Мама моего деда была родом из Лабинска, это Краснодарский край, по отцовской линии, откуда мой дед, я не знаю, потому что фамилия Лиходеев по всем кавказским республикам была одна единственная, потом появилась такая же фамилия у двух сыновей, больше людей с такой фамилией ни в Чечне, ни в Ингушетии, ни в Осетии, ни в Дагестане – нигде не было.

Так как не было принято, что после гибели мужа женщина уезжала к себе, она оставалась у родственников мужа, и воспитанием моего прадеда и старших дочерей занимались уже родственники по отцу и по материнской линии. Фамилия у них была Тур или Туровы, так как был

переход от царского к советскому времени, мало у кого были паспорта, и поэтому при получении паспорта одни называли себя как Тур, а другие как Туровы. И так как родня у них была огромная, очень многие ей помогали ставить детей на ноги, но в основном она получала помощь от деда Турова. Как его звали, я не знаю, но именно он занимался воспитанием моего прадеда, учил всем необходимым навыкам: управлять в поле, запрягать коней и т. д. – всему, что должен был уметь мужчина. И так как гонение на казачество в конце 20-30 годов были, очень многие в результате этого погибли, но дед успел получить образование, у него была начальная школа (два класса), но в то время два класса – это было достаточно много, по его словам, те, кто заканчивал 5 классов школы, были не просто бывшие школьники, у них уже была профессия, они уже заканчивали механиками. Каков был уровень образования, что именно там преподавали в школе, он никогда не рассказывал, но после 5 классов мог работать на тракторе. В 1934-35 году он женился на Овсянниковой Александре, и у них родился сын Валентин. В 1936-37 гг. прадедушка был призван первый раз в армию. Служить он попал на Дальний Восток в стрелковую бригаду химической роты. Он застал русско-японский конфликт, участвовал в боях на озере Хасан и реке Халхин-Гол. Он рассказывал, что стал свидетелем химической атаки, и его это очень сильно поразило, в том плане, что японцы распылили достаточно тяжелый газ: человек ложился на землю – и газ проникал во все поры земли. Все, что было, он собой пропитывал, и ничего живого после этого газа не оставалось, умирало все, что в земле находилось, и от этого газа еще они получали достаточно сильные повреждения кожи. Но, тем не менее, эта защита не всегда их спасала. Службу Лиходеев закончил в звании сержанта и мог управлять отрядом. Так он мобилизовался после первого призыва в армию.

Второй его призыв в армию – сентябрь-ноябрь 1941 года. Где он проходил службу, в каких частях, в каких рядах – никакой информации по этому поводу я не смогла найти. Последние записи, которые были в архивных данных из военкомата: окончил свою службу сержантом стрелкового отряда. Он рассказывал, что закончил службу в Сталинграде, был очень тяжело ранен, это произошло в конце января 1943 года, то есть практически перед самым окончанием битвы. Как долго находился в этой битве, он ничего не говорил, но рассказывал, что стрелки – это те, кого кидают на амбразуру, и очень часто им приходилось ходить на передовую. Часто возвращался с передовой один: весь отряд погибал. На его глазах произошло очень страшное событие. Через Волгу по мосту или на пароме переправляли поезд с детьми, которых везли в эвакуацию, и этот поезд разбомбили. Как он говорил, самое страшное зрелище, что он видел на войне: Волга была вся красная от крови, и по ней плыли детские тела. Столько детских тел он не видел никогда больше. Это воспоминание было серьезным для него. Последнее воспоминание о последнем его дне на войне было такое. Рассказывал, что они попали под очень сильный обстрел, живых осталось двое: он и еще один армянин из его отряда. И вот он думал, что не выживет: получил очень серьезные осколочные ранения головы, спины, ног. Грубо говоря, как он упал лицом, все его тело было иссечено осколками, не было живого места. Его нашли, после чего попал в госпиталь, где пробыл до конца августа.

В госпитале началась эпидемия тифа – и он заболел брюшным тифом. На тот момент это было достаточно распространенное заболевание. И он рассказывал про эту эпидемию: люди умирали десятками за сутки, мало того, что все были ранены, кто-то тяжелой. Дело было в холодное время, то есть я могу предположить, что это был март-апрель, и так как трупов было очень много и холодное время, их не убирали сразу, а выносили на улицу. В определенном месте складывали, но не кремировали, не закапывали никуда, просто потому, что не могли справиться с потоком умерших людей. Он был тяжело ранен и еще заболел. В какой-то момент врачи решили, что Лиходеев умер, и его вместе с другими трупами вынесли на улицу. И говорит, что его спасло: очнулся от сильного-сильного холода. Так как сил у него не было, мог только чуть шевелиться, он не мог даже разговаривать. Мимо проходила медсестра и увидела, что он шевелится, что он живой. Вот так и выжил во второй раз.

После того, как его выписали из госпиталя, передвигаться самостоятельно не мог, был лежачим инвалидом, то есть инвалидом первой группы, он просто лежал, вся спина была избита и изрезана осколками. Многие осколки из него удалили, но несколько в голове, спине и ногах остались пожизненно. Располагались так, что вытащить их было невозможно. Либо человек умирает после их удаления, либо они остаются в нём.

Когда Лиходеев приехал обратно в свою станицу Троицкую, жена, увидев его в таком состоянии, отказалась от него, решив, что следить за двумя «детьми» – сыном Валентином и

лежащим мужем – будет сложно, сказала: «Зачем мне инвалид? Мне надо ребенка растить, поднимать на ноги, а ты инвалид». Но у прадедушки еще была жива его мама, и она начала его выхаживать, достаточно долго выхаживала. В результате он встал на ноги, сначала ходил с палочкой, а потом от нее отказался. Благодаря матери он начал снова ходить. В тайне ото всех прадед общался со своим первым сыном. Как я знаю, Валентин очень многого добился в своей жизни благодаря Михаилу Степановичу: прадед оплачивал его учебу и в целом помогал в материальном плане. Валентин стал работать на нефтяной промышленности Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики и занимал там престижную должность на Грозненском нефтеперерабатывающем и нефтеперерабатывающем заводе.

Так как прадед был еще достаточно молодым, приняли решение, что ему надо жениться во второй раз. И он тогда пошел свататься, пришел в дом нашей прабабушки, у прабабушки была старшая сестра Анна, и он изначально хотел посвататься именно к ней, так как она была чуть ближе к нему по возрасту. Но у Анны был муж на фронте, и она ему отказала. Тогда прадедушка посватался к моей прабабушке. Прабабушка была на 11 лет младше прадеда, они сыграли свадьбу, и в ноябре 1945 у них родилась старшая дочка Нина, в 1953 году родился Витя. Прадедушка был очень рад, что у него родился сын, ведь всегда считалось, что сын – это наследник и продолжатель рода. Но случилась такая беда, что Витя сильно заболел, и для них с прабабушкой это было очень большое горе. Виктор, по несчастному случаю, а именно – по халатности врачей – стал инвалидом на всю жизнь и продолжать род не может, но он жив по сей день.

О войне прадед вспоминал со слезами на глазах: военные годы были самыми тяжелыми.

Сейчас я вхожу в состав актива музея «Имён связующая нить» колледжа «Царицыно» (зав.музеем Лицарева А. Ф.), а также участвую в мероприятиях Музея Победы, с удовольствием выступаю на конференциях, потому что если моё поколение забудет о той страшной войне, о ней забудет и поколение наших детей и внуков. И это будет предательством по отношению к тем, кто отдал за нас свои жизни.

